

НЫРЯЮЩИЙ ОСТРОВ

Играя в шахматы, мы приобретаем
привычку не падать духом и,
надеясь на благоприятные изменения,
упорно искать новые возможности.

В. Франклин. "Смысл шахмат"

— Уж если говорить о шахматах и
таинственных землях, так стоит вспомнить
о Ныряющем острове.

— Что это за остров и при чем тут
шахматы?

Так начался обычный для нашего
арктического плавания вечер в кают-

компании "Георгия Седова".

— Этот остров не значится ни на какой карте, — сказал очередной наш рассказчик, огромный человек с седыми волосами, кудрявыми, как у купидона, и весело прищуренными глазами. — Пошло все с приезда геодезической партии, устроившей на моей полярной станции базу. Начальником партии была боевая девица, занозистая, славная, отчаянная, красивая, только не дай бог ей об этом сказать... Звали ее Таней, то есть Татьяной Михайловной. На Большой земле она, говорят, прыгала с десятиметровой вышки в воду со всякими пируэтами, знала опасные приемы каратэ и здорово играла в шахматы. Первый ее талант в Арктике, конечно, не проверишь, а вот с другими своими талантами она меня конечно познакомила.

— Обыграла в шахматы?

— Да... и в шахматы, — замямшись, ответил рассказчик, почему-то потеряв левое плечо, потом оживился. — Можно сказать, досадно обыгрывала. Я ведь не из слабеньких. И с кандидатами в мастера, да и с мастерами встречался, когда в отпуску бывал. И не с позорным счетом... А вот с ней... Черт ее знает! Или она на меня так действовала, или курьезным самородком была... Стиль, знаете ли, агрессивный, яркий... Жертвы, комбинации и матовые сети... Сети у нее вообще были

опасные... — рассказчик засмеялся, потом добавил: — Может быть, новая Вера Менчик в ней пропала.

— Почему пропала?

— О том рассказ впереди. Я сам посмеяться люблю, подшутить или разыграть... А тут — разгромит она меня да еще и насмехается. Э-эх! Так и сжал бы ее ручищами вот этими, так бы и сжал!

И вбила она однажды в свою голову, что должна произвести съемку Ныряющего острова. А островом таким в наших краях назывался не то остров, не то мель, — словом, опасное место. Иные моряки там на берег сходили, а другие клялись, что нет там никакой земли. Я было пытался Таню, то есть Татьяну Михайловну, отговорить, да куда там! Предложила она мне в шахматы сыграть на ставку. Будь другая ставка, я бы отказался. А тут если проиграю, то должен ее на остров Ныряющий сопровождать. "Посмотрим, — говорит, — есть ли у этого "богатыря с прищуром" что-нибудь кроме прищура". Ну, я и проиграл. Не то чтобы поддался, но... одну ее в такое путешествие не хотелось отпускать... А так просто она бы не взяла. Впрочем, может быть, она и по-настоящему у меня тогда выиграла бы. Словом, отправились мы на катере, груженном бревнами плавника, который сибирские реки в море выносят. Опять же — ее затея! Непременно хотела на Ныряющем геодезический знак поставить. Захватила она с собой хороших ребят — и своих, и моих. Распоряжалась на моей станции, как хозяйка. Везучая она была. Представьте, нашли мы неизвестный по картам остров. Скалистый, угрюмый, совсем маленький. Если он в самом деле под воду уходит, то напороться на него килем никому не понравится.

Нашли мы остров, высадились на него и принялись геодезический знак ставить, целую башню деревянную — прямо маяк.

Бревна ворочать — работа нелегкая. Даже на полярном ветру, который разыгрывался, жарко становится. Однако дело к концу...

А Таня моя собралась с треногой и геодезией своей на другой край острова — съемки производить. Я, конечно, напросился сопровождать ее в виде чернорабочего: треногу и рейку таскать.

На меня глядя, она говорила, что я вполне сам за геодезический знак сойду, если меня на острове оставить. Насмешки ее я покорно сносил и ею совсем не украдкой любовался. Хороша она была в своем ватнике, в мальчишеских штанах и сапогах — закаляла она всегда себя, — стройненькая такая и с косой, которую ветер из-под шапки иногда вырывал. Чудная у нее была коса... Если распустить ее и лицо в волосах спрятать-задохнуться от счастья можно.

Надоели мне рейки, треноги, подошел я и сел у ее ног. Она шапку с меня сбросила и волосы взъерошила. Не передать вам, что я почувствовал... В Арктике, в пустыне, среди скал одни мы с ней. Никого вокруг!

Кровь мне в голову ударила. Вскочил, смотрю ей в глаза.

А они смеются, зовут, ласкают... Или показалось мне все это. Ну, сгреб я ее тогда, сгреб Таню мою в охапку, к губам ее нистово прижался. Голова кругом идет, плыву, несусь, лечу...

А тело у нее как стальная пружинка — твердое, гибкое. Вывернулась она из моих ручищ да как закатит мне пощечину, у меня аж круги перед глазами... Уже не лечу, а упал с высот неясных. Словом, оторопел я, а она... Ну, братцы, никому этого не пожелаю, это похуже шахматного проигрыша! Сначала она мне руку в плече вывернула, а потом применила такой прием джиуджитсу или каратэ, уж не знаю, специально против мужчин такой прием есть, — применила она этот страшный прием... и согнулся я пополам, чуть зайцем не заголосил и на камни повалился.

Темно в глазах. Еле в себя пришел. Вижу: она уже далеко, рейку и треногу на плечо взвалила и идет не оглядывается. Поплелся я к геодезическому знаку, сам от стыда сгораю. Подошел к ребятам.

Слышу, она распоряжения отдает, на меня не смотрит. Ушам своим не верю

— всем отправиться на базу и вернуться за ней только через два дня. Съемку острова сама произведет.

Ребята пожимают плечами. А я молчу. А что я могу сказать?

Чувствую себя последним человеком. Меня она не замечает. Лучше бы мне деревянным знаком, бревном на острове торчать — все бы в теодолит свой на меня посмотрела!

А все-таки взглянула она на меня, взглянула, когда катер от берега отходил! И показалось мне, что улыбаются зеленые ее глаза. Все на свете я забыл, готов был в ледяную воду броситься — к ней плыть.

Все же сдержался. Ледяная ванна мне нипочем, а вот как она встретит, каким приемом?...

Долго еще видел ее фигурку на одинокой скале, едва поднимающейся над водой. Смотрела Таня нам вслед! Смотрела! А потом остров исчез в снежном заряде.

Ветер все крепчал. Пошли штормовые валы, совсем как крепостные, отделенные один от другого глубокими рвами. Катерок наш то на бок ложился, то в небо целился, то очертя голову в яму нырял. Кое-кому не по себе стало.

На полярную станцию мы вернулись еле живы. Никогда такого шторма на катере переносить не приходилось. Как мы уцелели — сам не знаю. Я, признаться, даже радовался, что Тани с нами нет.

Но радовался я преждевременно.

Первое, что я сделал, ступив на землю, — побежал в радиорубку, постарался связаться с Таней по радио; походную рацию она все-таки при себе оставила.

Самым страшным был веселый Танин ответ:

— Нет больше загадки Ныряющего острова! Он понемногу уходит под воду. Осталась только скала с геодезическим знаком и еще ваша Таня,; которая поздравляет вас с географическим и гидрологическим открытием! Уровень воды в проливе зависит не от Луны, не от времени суток, а от силы и направления ветра.

И мне привет передает.

Вот тогда у меня первые седые волосы и появились. На катере плыть к острову и думать нечего: кверху килем мимо проплывем.

Но что делать? Как Таню с острова снять, пока он окончательно не нырнул?

Забил я тревогу на всю Арктику. Радиogramмы о бедствии даю панические.

Из радиорубки всю ночь не выходил, о сне и думать не мог.

Танин бодрый голос я слушал в репродукторе, как голос своей совести.

Как мог я оставить девушку одну? Как мог?..

— Все в порядке, — сообщила она. — Могу еще стоять на спине у своего ныряющего чудовища. Стою около знака и даже ног не замочила. Как только ветер кончится, возьмусь за съемку.

Раньше, чем я потребую, катера не высылать.

Катера не высылать! О каком катере может идти речь в такой шторм!

И тут я получил радиogramму от капитана Бориса Ефимовича с борта ледокольного парохода "Георгий Седов". Помните, Борис Ефимович, вы приказ тогда получили идти к острову Ныряющему, снять с него геодезистку?

— Как не помнить! — отозвался наш капитан. — Хорошо помню, в какой шторм к вашей полярной станции подошел. Только сумасшедший мог в такое волнение с берега в шлюпке выйти.

— Что же, я и был сумасшедший, — признался рассказчик. — Шлюпка у самого берега получила пробоину, и не спусти вы катер, мне бы не добраться до корабля.

Капитан усмехнулся:

— Сухой нитки на нем не было.

— Я этого не замечал. Танину просьбу я еще до прихода "Георгия Седова" получил. Таня сообщила, что вынуждена забраться на геодезический знак и рассчитывает отсидеться на нем до перемены ветра. А пока просит меня организовать ей шахматную партию по радио... с гроссмейстером.

— Обязательно хочу хоть раз в жизни с гроссмейстером сыграть, — и добавила: — Пока вода не спадет.

А я понимал, что это была ее последняя просьба. И я не мог ее не выполнить. Но и выполнить ее было невозможно. Как связаться с Москвой? Как тратить время на передачу ходов, когда нужна постоянная

связь с "Георгием Седовым", с самолетами, если погода позволит? Как тут быть? Пусть простит мне гроссмейстер Флор, что я осмелился вместо него играть шахматную партию, прикрываясь его именем. Я сообщил Тане, что гроссмейстер Флор согласился играть с нею и придет для этого в радиоцентр Главсевморпути. Ходы будут передавать немедленно через нашу полярную станцию.

Поверьте, эта шахматная партия состарила меня на много лет.

Боюсь, что моя игра была не слишком высокого класса, но, клянусь вам, я играл изо всех сил, потому что боялся, как бы Таня не обнаружила обман.

Но она не обнаружила его! Она играла не глядя на доску, но отвечала быстро. Милый Флор, он не подозревал даже, что некая девушка рискнет играть с ним вслепую!

Я ждал ответных радиogramм от Тани с очередным ходом, как вестей жизни... Я понимал, что игрой в шахматы Таня поддерживает себя...

Я холодел, слушая ее ровный голос, которым она сообщала после переданного ею очередного хода, что "остров полностью скрылся под водой" или "до вершины знака осталось еще полтора метра". И она еще заботилась, чтобы мы непременно сообщили все подробности океанологам – это будет им так важно, так интересно!

Пока я перебирался на борт "Георгия Седова", слегка вымокнув, как сказал тут капитан, два хода в партии сделали за меня – вернее, за гроссмейстера Флора – мои ребята.

"Георгий Седов" на всех парах шел к тому месту, где недавно был остров Ныряющий. Нам с Борисом Ефимовичем сообщили с полярной станции положение, которое сложилось в шахматной партии с Таней. Разрешите мне поставить его на доске. Борис Ефимович, вы помните?

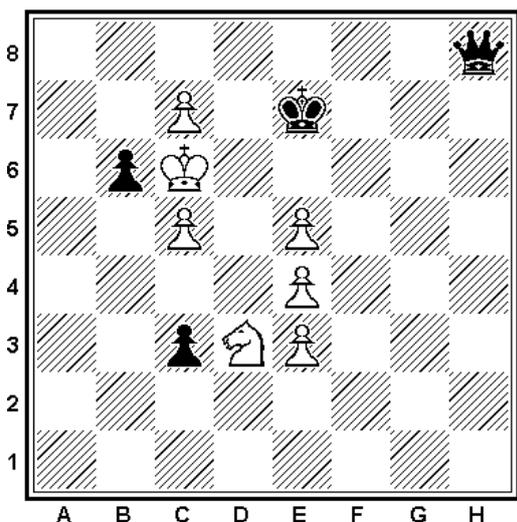
– Еще бы! – отозвался капитан.

– Дальше партию с Таней продолжали мы с Борисом Ефимовичем совместно, но... Впрочем, вы сейчас все увидите сами.

Капитан сходил в свою каюту за шахматами. Рассказчик расставил на доске позицию (Диагр. 1).

— В последней радиограмме Таня сообщила, что забралась на самую вершину знака, и волны, как она сказала, задевают ее ноги пенными лапами. Она все еще бодрилась и даже по-детски радовалась, что не проигрывает "гроссмейстеру".

Однако вроде могла и проиграть. Осталась без ферзя за коня с пешками, да и играла она не глядя на доску, в чем, правда, любила

упражняться у нас на станции. Больше

всего мы боялись с Борисом Ефимовичем

выиграть у нее ненароком. И теперь

мечтали свести партию к вечному шаху.

Сыграй, она скажем, 41. с : b6 и мы

сразу форсировали бы ничью — 41... с2

42. b7 Ф : e5, и новый ферзь на с1 даст

вечный шах! А если 42. Kpb7 , то 42...

Фh7 43. с8=Ф Ф : e4+ 44. Фс6 Ф : d3 и

почетная ничья, потому что линия "с"

открыта 45. Фf6+ Кре8 46. e6 Фh7+ , нет

хода 47. Kрс8 из-за 47... с1=Ф+.

Удивительно, что Таня все это видела "вслепую" и сыграла **41. Kpb7**,

стремясь во что бы то ни стало выиграть! Теперь ее пешка с5 обрела

огромную силу, грозя пойти вперед. Например: 41... Фh7 42. с6! Ф : e4

43. с8=Ф Ф : d3 44. Фh8 с2 45. Фf6+ Кре8 46. e6 , и "гроссмейстер"

проиграл бы! Потому пришлось нам коварную пешку взять: **41... b : c5**.

Казалось, Таня не будет теперь рваться к победе и ей можно предложить

"великодушную ничью". Но не тут-то было! Таня озадачила нас: **42.**

Kf4!, угрожая вилкой на g6. Двинешься пешкой "с" в ферзи —

проиграешь ферзя на h8, да и партию тоже! Из-за той же вилки на g6

нельзя брать ферзем лакомую пешку на e5. Мы долго спорили, как тут

сыграть. Если 42... Фh7 , то 43. с8=Ф Ф : e4+ 44. Kpb6 Фb4+ 45. Kрс6

Фа4+ 46. Kрд5 и король уйдет от шахов с победой! Не годилось и 42...

Фe8 из-за 43. Kd5+ Кре6 44. К : с3 Kрд7 и белые выиграют после 45.

e6+ и размена ферзями на с8. Подумав, мы сочли за лучшее

придерживать поле с8 королем: **42... Kpd7**. И сразу по радио получили

ответ — **43. e6+**. Деваться нам было некуда: **43... Kpd6** и мы предложили ничью, поскольку полагали, что размен ферзями вынуждает Таню дать свое согласие на мир: 44. c8=Ф Ф : c8+ 45. Кр : c8 c2 и придется Тане держать нашу пешку конем, допуская уничтожение всех и белых и черных пешек. Мы послали Тане наш последний ход, рассчитывая, что она согласится на ничью. Однако ответа мы не дождались, так и не поздравив ее с выигрышем.

— Как так с выигрышем? — удивился кто-то. — Что-то его не видно.

— В том-то и дело, что Таня его прекрасно видела! И мы тоже узрели, только попозже. Оказывается: **44. e5+**, и вместо размена ферзей на c8 приходится бить **44... Ф : e5**, а теперь, смешно сказать, мат в один ход — 45. c8=К+ мат!

— Здорово! — согласились присутствующие.

— Не мог же гроссмейстер доиграться до мата! Мы спохватились и послали вдогонку ничейной радиограмме поздравление с победой. Но Таня не приняла радиограмм, не ответила на обе...

Все долго молчали. В кают-компанию с твиндека доносились голоса, потом они смолкли, и слышно было, как шелестели о борт волны, а может быть, мелкие льдины...

Кто-то спросил, робко, неуверенно:

— Как же Таня? Ее геодезический знак? Ее остров?

Рассказчик сощурился:

— Хорошая мысль назвать остров ее именем, только... С тех пор никто ни разу не видел Ныряющего острова. На карте он нанесен Борисом Ефимовичем как опасная мель...

— А Таня?

— Татьяна Михайловна вышла за меня замуж. Но если вы спросите у нее о том, что я рассказал, она ничего не вспомнит: ни острова, ни знака, ни игральной партии, более того, она даже не знает сейчас ходов шахматных фигур. И она, конечно, станет вас уверять, что все это я выдумал.

— Значит... значит, она жива!

— Ясно. Мою Таню, мою изумительную, милую Таню, "Георгий Седов" вскоре подобрал. Она была без сознания, к бревнам геодезического знака, смытого с нырнувшего острова, она оказалась привязанной. Много дней была Таня между жизнью и смертью. А когда пришла в себя, то забыла все-все... Все, что случилось, даже шахматы...

— Как? И пощечины не помнит?

Рассказчик улыбнулся, словно ему напомнили о чем-то необычайно приятном:

— Представьте себе такую аномалию — только это и помнит!

Медицина — специальный доктор к нам приезжал, изучающий потерю памяти,

— плохо медицина разбирается в женской логике.

— Неплохая женская логика — заматовать превращенным конем при живом вражеском ферзе.

— Потемки! — развел руками рассказчик и лукаво улыбнулся.

Через несколько дней наш "богатырь с прищуром" сходил на берег. В капитанский бинокль я видел, как катер "Петушок" подошел к причалу, как вышли из него пассажиры. Навстречу тому кто на голову выше всех, с берега бросилась тоненькая женщина.

Он обнял ее; "сжал своими ручищами", и ее фигурки совсем не стало видно.

Вот какая удивительная Таня! А что, если она вспомнит о своем приключении на острове Ныряющем, снова научится играть в шахматы? Удивит шахматный мир?

Кто знает! Нас она удивила... И не только шахматами...

Я стоял на капитанском мостике, с которого один только раз и то издали увидел Таню...

Арктическое плавание продолжалось. Теперь слева на горизонте виднелись не то тучи, не то горы... Это была уже совсем другая земля.

— Лево на борт! — скомандовал стоявший со мной рядом капитан.